

УДК 821.161.1–3.09

Наталья Подмогильная

**КОММУНИКАТИВНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖАНРА
В ТВОРЧЕСТВЕ А. АВЕРЧЕНКО**

Недавно я, сидя на одном симфоническом концерте, услышал сзади себя диалог двух соседей по креслу.
— Скажите, это — Григ?
— Простите, я приезжий.

А. Аверченко

Розглядаються питання жанрової трансформації оповідання та анекдоту у творчості А. Аверченка.

Ключові слова: Аверченко, жанрові трансформації, анекдот, оповідання.

Рассматриваются вопросы жанровой трансформации рассказа и анекдота в творчестве А. Аверченко.

Ключевые слова: Аверченко, жанровые трансформации, анекдот, рассказ.

Genre transformations questions of short story and anecdote in A. Averchenko's creative activity are studied.

Key words: Averchenko, genre transformations, anecdote, short story.

Проблемы жанрологии всегда относились к числу приоритетных в литературоведении, свидетельством чему неослабевающее внимание к ним со стороны ученых на протяжении десятилетий (Ю. Н. Тынянов, Б. В. Томашевский, Г. Н. Пospelов, Л. И. Тимофеев, Г. Л. Абрамович, В. Е. Хализев, Л. В. Чернец и др.). О взаимопроникновении, диффузии, суггестивности жанровых форм, подвижности жанровых границ написано немало содержательных и глубоких работ, однако считать проблему индивидуальной реализации конкретного жанра в творчестве того или иного писателя разрешенной и вполне исчерпанной, разумеется, нет достаточных оснований, поскольку своеобычность, оригинальность стиля, творческой манеры писателя всякий

раз заставляют задумываться о трансформации жанровой формы в его творчестве. Причем чем талантливее автор, чем более яркий характер носит его творчество, тем большую актуальность имеет указанная проблема.

Исследователи творчества Аркадия Аверченко справедливо полагают, что в период работы в «Сатириконе» и «Новом Сатириконе» писатель чаще всего обращался к таким лаконичным сатирико-юмористическим жанрам, как диалог или анекдот [см., напр.: 5]. Однако анализ полного корпуса произведений Аверченко — едва ли не самого яркого представителя сатиры Серебряного века, «короля смеха» — позволяет говорить о том, что эти жанры не только никогда не исчезали из его жанрового репертуара, напротив, многие достаточно крупные по объему рассказы обнаруживают в своей структуре жанровые следы диалога и — значительно чаще — анекдота.

Со времени создания словаря В. И. Даля, предложившего определение анекдота как «короткого по содержанию и сжатого в изложении рассказа о замечательном или забавном случае, байке, баутке» [2, 17], до современных научных дефиниций в жанровых признаках анекдота акцентируются, как правило, два параметра — лаконичность и остроумие. Например, в Краткой литературной энциклопедии читаем: «Анекдот — короткий рассказ о незначительном, но характерном происшествии из жизни исторического лица. В современном словоупотреблении (с середины 19 века) под анекдотом понимается также небольшой устный шуточный рассказ самого различного содержания с неожиданной и остроумной концовкой» [3, 234]. В известных современных справочных изданиях есть важные уточнения: «Старая “анекдотическая форма” (игра слов, каламбур, излюбленная ситуация) с легкостью приспособляется к любому злободневному содержанию» [6, 17], а также «анекдот сخیльний розгортатися в новелу» [4, 41]. Таким образом, содержание анекдота может быть любым, но — и это гораздо важнее для предпринятого нами анализа — короткий жанр способен, даже склонен разворачиваться в новеллу, необычный рассказ. К примеру, В. И. Тюпа в пушкинских «Повестях Белкина» кроме общепризнанных новеллистических примет усматривает еще и анекдотические [7, 112–153].

С отмеченными коммуникативными стратегиями сталкиваемся и при изучении юмористических и сатирических рассказов А. Авер-

ченко, причем достаточно часто наблюдаются ситуации, так сказать, обратной трансформации, своеобразного «свертывания» рассказа или новеллы в анекдот или диалог.

Сатирико-юмористических рассказов, важными элементами поэтики которых является игра слов или каламбуры, в творчестве Аверченко немало. Скажем, в рассказе «Русская история» с посвящением «Министерству народного просвещения» (это значимый для развития сюжета момент, поскольку описанная трагедия становится следствием абсолютного невежества той части народа, о которой пишет Аверченко, — *мужиков и баб из Нижней Гоголевки*) мужики расправились со студентом, любившим ботанику, не поняв цели собирания им цветов и трав:

«— Здравствуйте, милые поселяне, — сказал вежливый студент, снимая фуражку и раскланиваясь.

— Здравствуй, щучий сын, чтоб тебе пусто было, — отвечали поселяне. — Ты чего?

— Благодарю вас, ничего, — говорил им студент, наклоняясь и срывая какую-то травинку.

— Ты чего??!

— Как видите, гербаризацией балуюсь.

— Ты чего?!?!» [1, 19].

Мужики решили, что студент, имевший к тому же при себе зубной порошок, распространяет холеру, а поведение просветителя-одиночки показалось недопустимо дерзким: «Когда же студент осмелился нахально заявить, что Земля круглая и что она ходит вокруг Солнца, то толпа мужиков навалилась на него и стала бить...» [1, 21], — это и предопределило трагический финал.

Или рассказ «Люди, близкие к населению» из сборника «Позолоченные пилюли». Здесь Аверченко для достижения сатирического эффекта использует и каламбур, и игру слов. *Его превосходительство* изволил выразить умиление от того, что существует искусство — живопись, музыка, литература, наука — «климатология, техника, гидрография» [1, 258], и приказал, чтобы не выглядеть хуже других народов, выявлять таланты, «вытаскивать за уши на свет божий» [1, 258]. Это деликатное дело решено было поручить людям, близко стоящим к населению, то есть полиции. Стараниями полиции были обнаружены мужики, умеющие играть на гармошке или петь песни. Но дирек-

тивное предписание выявлять таланты урядниками было истолковано как требование пресечь недопустимые вольности, а поскольку смысла содержащихся в предписании мудреных слов им никто не разъяснил, то усердие близких к народу людей оборачивалось курьезами: « — Ты — Кривой? — Так точно. — Климатологией занимался? — Зачем мне? Слава Богу, жена есть, детки...» [1, 261].

Очевидным преувеличением было бы считать любой юмористический рассказ развернутым анекдотом, но художественная практика Аверченко, особенно дооктябрьского периода, дает основания говорить о доминирующей тенденции *жанровой стратегии анекдота* (В. И. Тюпа).

Одним из наиболее репрезентативных в плане трансформации жанровых признаков представляется рассказ «Функельман и сын» (1913) из сборника «Черным по белому», имеющий подзаголовок «Рассказ матери». Этот *рассказ матери* не относится к числу самых коротких произведений писателя, но, тем не менее, его содержание, на наш взгляд, вполне уместно в жанровые рамки анекдота и может быть сжато до нескольких предложений. Попробуем изложить его так: узнав о том, что ее сын увлекается чтением литературы анархистского и революционного толка, мать, чтобы избежать возможных губительных последствий, решает переключить его интересы в иную сферу — заставить окунуться в еще не знакомые юноше «радости жизни». Когда же постоянное посещение ресторанов и кафешантанов стремительно превращает молодого человека в повесу и мота, удрученная мать, признавая свой педагогический просчет, обращается к знакомому (соседу, родственнику — здесь возможны варианты) с просьбой: «Нет ли у вас свободной эрфуртской программы или Кропоткина?» [1, 219]. Собственно, рассказ композиционно выстроен таким образом, что ключевая фраза-развязка, что можно было бы назвать «солью анекдота», завершает произведение, и такая его структура помогает держать читателя в напряжении и неведении относительно судьбы незадачливого юноши. Предложенный эксперимент ни в коей мере не ставит под сомнение объем и стиль авторского текста: повествование матери весьма выразительно и ярко по манере изложения, чтобы им жертвовать, даже с целью экономии словесных средств или полезной площади бумаги. Речь идет исключительно о гипотетически возможном варианте передачи сюжета.

«Рассказ о колоколе» (сборник «Черным по белому») состоит из пяти глав, хотя такая композиция указывает скорее не на объем текста — он традиционно не превышает нескольких страниц, а на резкие сюжетные переходы, лакуны в изложении. Но и такое повествование вполне может быть сжато до анекдота. Накануне Пасхи, в конце великого поста в город привезли колокол. Совершенно неожиданно его звон оказался не только услаждением слуха горожан, но и призывом к очищению. Что тут началось! Отец семейства признается жене в измене с гувернанткой детей, жена, нисколько не обвиняя мужа, объявляет ему, что отцом их сына является другой человек, но муж уже обеспокоен иным: он намерен донести на себя самого в полицию за подлог в документах. Выйдя на улицу, правдоискатель убеждается, что бациллой избавления от грехов поражен весь город: купец кается в том, что в его магазине нет ничего настоящего, все фальшивое; фабрикант умоляет полицейского пристава принять от него заявление, поскольку на его фабрике в течение долгого времени чеканили фальшивые монеты... В полиции такая запарка, что приставы и урядники, которые в свою очередь отказались брать взятки, не верят убийце, требуя свидетелей, а конокрада просто выталкивают вон. Привычное течение жизни восстанавливается лишь после того, как колокол приказали снять...

Рассказ Аверченко «Золотой век» (сборник «Веселые устрицы», 1910) может быть вообще сжат до короткого диалога в духе «армянского радио»:

— *Можно ли стать знаменитым?*

— *Можно, если вы совсем ничего не умеете делать.*

В сознании реципиента жанр литературно-художественного произведения нередко трансформируется в иной: в плане объема — разворачивается или сжимается, в содержательном плане — преодолевает заданные автором жанровые границы. За содержанием рассказа И. А. Бунина «Легкое дыхание» просматривается повесть; повесть или даже роман угадывается в драме М. Ю. Лермонтова «Маскарад»; в рассказ или повесть могло бы перерасти почти каждое стихотворение в прозе И. С. Тургенева и т. д. Такую динамичность жанровых форм мы бы назвали *жанровой пульсацией*, поскольку именно живая мысль, содержащаяся в тексте литературного произведения, становится импульсом для многочисленных его

прочтений и интерпретаций. Соединенные в границах предложения или абзаца слова никогда не будут семантически опустошенными: заряжаясь потенциальной энергией других слов, реагируя на их семантику и аккумулируя ее, они могут обнаруживать необычные и неожиданные за пределами данного текста дополнительные, словно бы приращенные смыслы и экспрессивность. Сформулированная автором мысль проецируется реципиентом на собственный читательский опыт — жанровую память. Именно она и становится тем резонирующим на текст камертоном, который улавливает жанровую пульсацию.

Отмеченные нами случаи, разумеется, не единичны. Наблюдается ситуация чрезвычайной подвижности жанровых границ; при этом текст рассказа, будучи пересказанным как анекдот (или переделанным в анекдот), не утрачивает своих основных эстетических признаков, оставаясь сатирическим произведением. По-видимому, подобные коммуникативные трансформации возможны лишь в сфере малых эпических жанров либо с фрагментами более крупных жанровых форм. Необычность ситуации, описанной с активным использованием словесных изобразительно-выразительных средств, что является едва ли не опознавательным признаком сатирико-юмористических рассказов, при сохранении словесной экспрессивности может быть представлена, так сказать, в снятом виде в еще более лаконичном жанре — анекдоте или диалоге. Для того чтобы признать этот вывод не частным заключением, а некоторой закономерностью, необходим развернутый анализ сатирико-юмористических произведений, не только принадлежащих перу А. Аверченко, но и других авторов, что и станет перспективой нашего поиска.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Аверченко А.* Руководство для лентяев / А. Т. Аверченко. — М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2000. — 352 с.
2. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. — Т. 1 / В. И. Даль. — М. : Русский язык, 1978. — 699 с.
3. Краткая литературная энциклопедия. — М. : Сов. энциклопедия, 1962. — Т. 1. — 1088 с.
4. Літературознавчий словник-довідник / Р. Т. Гром'як, Ю. І. Ковалів та ін. — К. : ВЦ «Академія», 1997. — 752 с.

5. *Нестеренко А. Ю.* Поэтика сатиры А. Аверченка : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. Ю. Нестеренко. — Дніпропетровськ, 2009. — 20 с.
6. Словарь литературоведческих терминов / редакторы-составители Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. — М. : Просвещение, 1974. — 500 с.
7. *Тюпа В. И.* Аналитика художественного. Введение в литературоведческий анализ / В. И. Тюпа. — М. : Лабиринт РГГУ, 2001. — 192 с.